

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

РАЗГОВОР ДВУХ РАЗГОВОРОВ

На небе белые паруса облаков. Над морем ни всплеска. Вдоль широко распахнувшегося в безволны пляжа -- пёстрые грибы зонтиков, кое-где по раскалу камешков -- простыня и сотни и сотни голых пяток, уставившихся в море.

Двое лежали шагах в десяти друг от друга. Один был почти кофейного цвета -- другой цвета жидкого чая с молоком; первый поворачивался с живота на спину и обратно движением жирного дельфина, играющего на волне, -- второй беспокойно ёрзал на потных камнях, то и дело отдёргивая жёлтую клавиатуру рёбер от желтопалого солнца.

Когда коричневый лежал на правом боку, белый -- на левом, и глаза их были врозь друг от друга. Когда белый перевернулся на спину, коричневый уже впластался грудью и носом в песок. Наконец белый перекатился на правое плечо, коричневый привстал, ладонями -- в землю, глаза их встретились, и оба протянули:

-- А-а.

-- Кто сказал "а", -- улыбнулся белый -- должен сказать и "б".

Благодать. Ну, поскольку вы под цвет вашему письменному столу, то ясно, что вы с ним не видались недели три, а то и больше, а я вот только-только смыл с себя поездную копоть и созерцаю. Пожалуй, даже мирозозерцаю потому, что там, в Москве, пространство, так сказать, по карточкам; вместо неба -- потолок, даль отрезана стеной и вообще всё изрублено стенами и перегородками, а взамен солнца двадцатипятисвечная лампочка -- не угодно ли? Чрезвычайно трудно не усомниться, что за этим крошечком из пространства есть где-то и настоящее, за горизонт перехлёстывающее пространство, классическая протяжённость, одним словом, _мир_.

Коричневые лопатки шевельнулись:

-- Да, как подумаю, что скоро опять, вместо всплесков моря, твяканье трамвайных звонков, сточные ямы улиц, и что на столе тебя дожидается беременный портфель...

Жёлтые рёбра дёрнулись от смеха:

-- Вот именно: мы перекладываем мысли из головы в портфель, и когда голова пуста, а портфель полон, то это и называется...

-- Угадываю. Это правда, растекаться мыслью по дереву теперь, когда и дерева-то эти срублены, и жизнь насаждается заново, нам нет времени. Да и сама эта "мысль", как доказал кажется некий палеограф, оказалась "мыслью", грызуном, вредителем. С ней тоже надо не без осторожности. А брюхатость наших портфелей почтенна. И после, это -- фетишизм. Если тебе взвалили на плечи столько работы, что голове приходится потесниться -- ну, там, на время -- не вижу в этом ничего постыдного. Помню, в последнюю командировку занесло меня (в Париже это было) в Сорбонну. Как войти, первая слева фреска, Пюи-де-Шаванновская; кажется: святой какой-то идёт по стене и перед собой, как фонарь, на вытянутых руках несёт свою же голову. Я, помню, тогда ещё подумал: молодец, не всё ли ему равно, как носить своё мышление -- на плечах, там, под локтем, или... Важно одно, чтобы совершалось овеществление идеи, объективное её бытие, а не шмыгание мысли в камере одиночного заключения, под макушкой, в голове. Творчество новой жизни...

-- Тварчество.

-- Как?

-- Я говорю: тварчество. Мысль должна идти на мышление, как рыба на крючок. Вы хотите шутку Клеопатры, приказавшей привязать к удочке Антония, к концу его лесы копчёную сельдь -- превратить в архисерьёзную и массовую систему рыболовства. Нет. Ум вправе рассчитывать на более остроумное с собой